

Общая газ. -1995.-
16-22 нояб. - с. 13.

ЧТО БЫЛО

Балетом мы не переболели

КА ТОЛЬКО с приходом гласности нам объяснили, что в области балета мы далеко не впереди планеты всей, так разом и угас к нему общественный интерес — если считать выразителем такового средства массовой информации. Пресса к балету охладела, про телевидение нечего и говорить: в кои-то веки мелькнет в новостях скупой репортаж о премьере в Большом или Мариинском, напоминая, что классический танец еще жив... Единственное, чему гарантирован интерес журналистов, — это скандалы внутри прославленных коллективов, причем, никогда не получающие сколько-нибудь внятного объяснения.

Дмитрий Якушкин, сделав «Двойной портрет» Владимира Васильева и Мориса Бежара (выпуск, показанный в минувшую субботу по Российскому каналу), обозначил, пусть и бегло, то, что уже привычно упускается, остается за кадром: и «роль личности» в балете, и влияние балета на личность, и невидимые миру слезы, и

грубую бытовую подкладку («когда б вы знали, из какого сора...»), и забытую или забываемую его историю.

Сопоставление двух легендарных личностей в первый момент могло показаться не вполне корректным: все-таки один вошел в историю балета как танцовщик (о собственных постановках Васильева, кстати, в передаче речь не шла), второй — как хореограф. О Васильеве как руководителе Большого судить пока рано, репутация же Бежара — директора своей труппы — давно упрочена. Но в конечном счете прав оказался автор: родство душ оказалось важнее формальных различий.

При том, что старый излюбленный прием нашей партийной журналистики «два мира — две судьбы» вполне годится и сегодня (ведь куда не деться: миры — «наш» и «их» — действительно разные) — но трансформируется он теперь весьма забавно. Скажем, «идейным» и притом «левым» оказывается вовсе не Васильев, считающий, что политические игры пагубны для ху-

дожника, а как раз Бежар. А проблема свободы и несвободы оказывается наиболее существенной в сугубо внутреннем, творческом плане: Васильев, вспоминая о работе с Бежаром, говорит, что не может быть таким же свободным в отношении к любому стилю, к любой музыке, потому что связан рамками классического танца. Впрочем, можно, конечно, расценить это как драму танцовщика, да и всего русского балета, десятилетиями изолированного от западного влияния, но не впадем ли мы в соблазн строить идеологическую схему (от которой вроде бы хотели уйти) — только поменяв знак на противоположный?

Автор программы с этим, пожалуй, чуть переборщил. Да, Большой театр всегда был предметом политических спекуляций — и хроника, показанная в передаче, об этом напомнила, да, он был золотой клеткой для творцов, как именитых, так и безвестных. Но — возразим — сам по себе танец, в силу ли условности своей природы, в силу ли других причин, остается

вполне независимым. Поэтому свободен был Леонид Лавровский, создавая «Ромео и Джульетту», а Юрий Григорович — «Легенду о любви» или «Спартак», свободен был Васильев в своем волшебном парении над сценой.

Впрочем, это даже и не упрек программе, а, скорее, констатация, что новейшая история нашего балета пока мало осмыслена. Поэтому о жестоком кризисе Большого театра, о роли Юрия Григоровича — то ли доброго, то ли злого его гения — в передаче сказано вскользь, туманно — можно понимать так, а можно иначе. Как бы то ни было, а для телевидения тема балета — непаханое поле. Было бы желание его возделывать.

Уж по крайней мере регулярной передачи одна из ведущих балетных держав заслуживает. Ведь все-таки, как хорошо сказал Дмитрий Якушкин, завершая «Двойной портрет», балетом мы не переболели и вряд ли когда-нибудь переболеем.

Г.Ч.